

Т. Г. Скребцова

Санкт-Петербург, Россия

(ТРАНС)ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ (на примере трудовых мигрантов и беженцев)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению особой тематической разновидности дискурса — дискурса об иммигрантах (или «чужих»). Материал современной российской публицистики и Интернета используется для анализа существующих в общественном сознании стереотипизированных представлений о трудовых мигрантах и беженцах с Украины. Отмечается, что стереотип «трудовой мигрант» претерпел некоторые изменения за последнее десятилетие; изменились и отдельные характерные черты дискурса о мигрантах. Что касается стереотипа «беженец», он начал складываться совсем недавно и, как кажется, еще не вполне оформленся. Тем не менее уже можно говорить об основных компонентах данного стереотипа и о специфических особенностях дискурса о беженцах. Представленное в виде таблицы сравнение бытующих в обществе стереотипов о трудовых мигрантах и беженцах наглядно показывает, что у них мало точек соприкосновения: большинство компонентов не имеют аналогов. Совпадение вообще только одно, и оно касается экономического аспекта: присутствие в стране и мигрантов, и беженцев означает дополнительную нагрузку на российский бюджет. Однако, учитывая возможную эволюцию стереотипов (показанную на примере образа трудовых мигрантов), со временем можно ожидать их сближения. Как бы то ни было, автор надеется вернуться к этой теме спустя некоторое время, чтобы проследить дальнейшую трансформацию рассмотренных социальных стереотипов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, трудовой мигрант, беженец, социальный стереотип, концептуальная метафора, оценочная лексика, оппозиция «мы-оны».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Скребцова Татьяна Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Санкт-Петербургский государственный университет; адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, каб. 184; e-mail: genling.spb@gmail.com.

В настоящей статье речь пойдет о том, как в общественном сознании под влиянием средств массовой информации и Интернета формируются социальные стереотипы и какие изменения они в дальнейшем претерпевают. В частности, рассматривается эволюция стереотипа «трудовой мигрант» за последнее десятилетие: современный материал сравнивается с результатами ранних наблюдений [Скребцова 2007]. Помимо этого, анализируется «свежий» стереотип «беженец с Украины», который начал складываться летом 2014 г., когда в Россию в массовом порядке стали прибывать люди, покинувшие зону военного конфликта на востоке страны. Объединяет эти стереотипы то, что оба они служат для воплощения образа «чужого» (из оппозиции «свой — чужой», или «мы — оны»), но это разные «чужие», и их образы существенно отличаются друг от друга. Анализ сходств и различий между данными стереотипами также является предметом исследования в этой статье.

Таким образом, речь идет об изучении особой тематической разновидности дискурса — дискурса об иммигрантах. В подавляющем большинстве случаев он представляет собой то, что в различных источниках именуется расистским дискурсом, дискурсом ксенофобии или дискурсом отчуждения [Reeves 1983; Discourse...1985; Дейк 1989; Wetherell, Potter 1992; Трошина 2000; Henry, Tator 2002; Baker, Ellice 2011], изучение которого традиционно ведется в русле критического анализа.

Говоря о трудовой миграции в России, нельзя не отметить стремительных темпов ее роста. До конца 1990-х гг. миграционные процессы не были столь масштабными, чтобы обращать на себя внимание общества. В последующие годы, однако, число трудовых мигрантов быстро росло; осо-

бенно заметным стало их присутствие в крупных российских городах. Поскольку большинство мигрантов приезжает из бывших советских республик Средней Азии, они выделяются среди коренного населения российских городов своей внешностью, языком, одеждой, манерой поведения, что способствует формированию и закреплению соответствующего социального стереотипа. По подсчетам экспертов ООН, в 2013 г. Россия заняла второе место в мире (после США) по числу иностранных мигрантов, проживающих на ее территории (11 млн человек). Эти цифры согласуются с данными Федеральной миграционной службы, которая дополнительно констатирует, что более 90 % въехавших на территорию России не имели легального статуса трудовых мигрантов. Сведений по 2014 г. пока нет. Можно предположить, что данные окажутся несколько ниже вышеуказанных показателей, так как вследствие падения курса рубля во второй половине года наблюдался отток зарубежной рабочей силы. Впрочем, нас интересуют не количественные, а качественные оценки.

В своей предыдущей статье, посвященной образу трудового мигранта, создаваемому отечественными СМИ [Там же], я выделила его основные составляющие, которые во многом перекликаются с излюбленными темами западноевропейского дискурса по проблемам иммиграции [Дейк 1989б]. Здесь и преступность (насилие, терроризм, контрабанда наркотиков), и социальные проблемы (рост безработицы, нагрузка на государственные системы образования и здравоохранения, межнациональное напряжение), и культурные различия (чуждый менталитет и вероисповедание), и недостаточные квалификация и знание русского языка, и экономический ущерб (отток денег в другие страны).

Судя по текущим материалам в СМИ и Интернете, все эти компоненты социального стереотипа «трудовой мигрант» сохраняют свою актуальность. Однако в последние годы наметилось одно важное отличие. С одной стороны, авторы публикаций продолжают отмечать, что мигранты с готовностью берутся за самую тяжелую и грязную работу, трудятся за невероятно низкую плату и потому их охотно используют в качестве дешевой рабочей силы в строительстве и сфере услуг. Иногда этот факт засчитывается гастарбайтерам в плюс (мол, местные «зажрались», а вот приезжие трудолюбивы и непрятязательны), иногда — в минус (нелегальная работа за низкую плату увеличивает безработицу в стране и подрывает конкуренцию). Как бы то ни было, готовность беспротивно работать чуть ли не круглые сутки за небольшие деньги составляла и продолжает составлять важную отличительную черту образа трудового мигранта.

С другой стороны — и это явление сравнительно новое, — в Интернете стали появляться негативные комментарии в адрес мигрантов, содержащие упреки в праздношатании и намеки на сомнительные источники их финансового благополучия. Их авторы обращают внимание на новое поколение выходцев из Средней Азии, приезжающих в российские города. Ср.: *сегодняшние азиатские мигранты, например в Москве, это уже не забытые и плохо одетые молодые люди бомжеватого вида с глазами загнанных зайцев, а вполне довольная и жизнерадостная молодежь, одетая более-менее по погоде и в достаточно чистые вещи, как правило, с мобильными телефонами и трэ-плеерами, посещающая супермаркеты и отдыхающая в парковых зонах Москвы, где зачастую ведет себя уже нагло и вызывающее (когда их много) (здесь и далее курсивом обозначены цитируемые фрагменты)*. Похоже, что ослабляется один из существенных компонентов описанного нами ранее стереотипа. Можно предположить, что если миграция из стран Средней Азии будет продолжаться, эта тенденция будет нарастать: дети тех, кто ранее приезжал на заработки в Россию, будут гораздо лучше адаптированы к нашим условиям. Они будут избегать тяжелой, неквалифицированной и низкооплачиваемой работы, стараясь без лишних усилий вписаться в социальную среду. Россия может в этом отношении повторить путь таких стран, как Франция и Германия.

От тематической специфики современного дискурса о мигрантах перейдем к его стилистическим особенностям. Нетрудно угадать, что его стержнем по-прежнему служит оппозиция «мы — они», предполагающая изображение «своих» в положительном свете, а «чужих» — в отрицательном. Это противопоставление прослеживается и в использовании метафор: мигранты концептуализируются в виде неодушевленной массы (ср. *миграционные потоки, приток мигрантов, резервуар мигрантов* и т. д.), а принимающая страна (Россия), напротив, олицетворяется, наделяется такими человеческими качествами, как *открытость, дружелюбие, гостеприимство*. Таким образом, метафоры рисуют мир «шиворот на ворот»: люди предстают в виде неживого

объекта, а неодушевленная сущность, наоборот, уподобляется человеку.

Как отмечалось ранее [Скребцова 2007], такое положение вещей, разумеется, неслучайно. Конечно, олицетворение страны — это распространенная онтологическая метафора [Lakoff 1991]. Но приписывание государству положительных человеческих качеств привносит в рассуждения эмоциональную составляющую, что является распространенным манипулятивным приемом, направленным на снижение уровня критичности при восприятии содержания. Как справедливо замечал В. Клемперер [Клемперер 1998: 50] применительно к языку Третьего рейха, «сентimentальность всегда подозрительна». Кроме того, персонификация страны позволяет представить ее в роли жертвы (которой угрожает потеря национальной идентичности), а отсюда уже недалеко до лозунгов «Россия для русских», который, по недавним подсчетам «Левада-центра», в последние годы поддерживает уже почти половина респондентов (в 1994 г. таковых было 13%). Примечательно, что такие настроения характерны не только для националистов, но и для провластных политиков (вспомним предвыборное заявление московского мэра Собянина про «понаехавших»), и для коммунистов, и для либеральной оппозиции (ср. предложение партии «Гражданская платформа» Михаила Прохорова селить мигрантов в фильтрационных лагерях).

Изображение мигрантов в виде неорганической массы автоматически исключает сочувствие к ним (поскольку они неживые) и способствует схематизации образа (поскольку это однородная масса). Поэтому если автор симпатизирует мигрантам, он обычно либо пишет о конкретных людях в конкретных обстоятельствах, либо использует другие метафоры. Довольно популярной, например, является метафора рабства, которая, впрочем, вызывает вполне справедливые возражения. Критики обращают внимание на принципиальную разницу в положении рабов и мигрантов: рабы не ехали сами на заработки — их ловили, привозили и насильно удерживали. Раб был бы счастлив, если бы его освободили, — в отличие от мигранта, которому эти действия нанесут экономический ущерб. Действительно, если рассуждать в терминах теории концептуальной метафоры, здесь нарушен важный принцип метафорической проекции — принцип сохранения когнитивной топологии сферы-источника [Lakoff 1990].

В российском публичном дискурсе о трудовых мигрантах мы обнаруживаем все основные концептуальные метафоры, характерные для авторитарного и расистского дискурса. Прежде всего, это разнообразные уподобления мигрантов хищникам и паразитам (*своры азиатов; стаи наркодилеров; молодежь уже сбивается в стаи; паразитировать на такой стране, как Россия* — это то что им и нужно; сейчас они проникли, распространили свои *щупальца* во все базовые, малооплачиваемые, но очень важные сферы соц. обеспечения).

Помимо этого, задействуются метафоры, называющие осмысление миграции в терминах болезни (пока не назовём главную причину,

не узнаем *диагноз*, и болезнь будет продолжаться; *лекарство от мигрантов*). Как известно, эти два типа концептуальных метафор тесно связаны между собой: так, в дискурсе Третьего рейха враги государства уподоблялись вредным животным и организмам, а Гитлеру отводилась роль врача, призванного вылечить немецкое общество от этой заразы [Landtsheer 1994].

Наконец, широко представлены метафоры вторжения, захвата, оккупации, которые, по-видимому, являются универсальным средством концептуализации иммиграции во всем мире [Будаев, Чудинов 2006]. Приезжие *оккупируют, вытесняют, уничтожают коренное население*, несут смерть и разрушение России. Эти товарищи чувствуют себя здесь *хозяевами, никого и ничего не боятся — это мы их боимся. Нужно жесткое закручивание гаек. Для начала — закрыть границы, ввести визы со всеми странами СНГ.*

Использование метафор вторжения и оккупации активизирует осмысление России в качестве дома. Показательным является следующий отрывок: *Вчера эксперты ООН огласили результаты своего исследования мировых иммиграционных потоков, в ходе которого выявили, что мигрантов в мире уже почти 250 миллионов, а Россия относится к группе самых обожаемых ими стран. Ну а почему, спрашивается, не любить ее, если она стоит, открытая нараспашку, и все ее неохраняемые почти по всему периметру двери мотает сквозняком? Заходи кто хочешь, делай что пожелаешь. Это не единичный случай указанной метафорической проекции. В другом примере находим отсылку к прецедентному тексту: Россия — без окон, без дверей, полна горница „гостей“. Обратим внимание на специфическое обыгрывание оппозиции «мы — они» через противопоставление хозяев и гостей здесь и в примере выше. С «захватом гостями хозяйственного дома» нужно бороться, ср.: наша страна — это не проходной двор и кормовая база для жителей Средней Азии.*

Заметим, что вообще концепт «дом» является традиционным для славянской культуры источником метафорической экспансии и заключает в себе высокий эмоциональный потенциал (и здесь снова вспоминаются процитированные выше слова В. Клемперера о подозрительной сентиментальности). Дом — это основная, наиболее естественная и комфортная среда существования человека и его семьи. Она знакома ему с детства и находится в кругу его «извечных» интересов — отсюда развернутая сеть эмоционально насыщенных ассоциаций (ср. отчий дом, родительский дом, домочадцы, семейный очаг и т. д.). [Чудинов 2001: 152—155]. Эксплуатация метафоры «Россия — это наш дом (куда беспрепятственно вторгается враг)» в дискурсе о мигрантах является эффективным средством закрепления в общественном сознании оппозиции «свой — чужой» и усиления негативного к ним отношения.

Продолжая сравнение с результатами более ранних наблюдений, хочется отметить, что в последнее время дискурс СМИ демонстрирует большую политкорректность при выборе эпитетов

к слову *мигрант* (или словосочетанию *трудовой мигрант*): не употребляются оценочные прилагательные типа *полезный, нежелательный, хороший, плохой* и т. п. [ср.: Скребцова 2007]. Лексическая сочетаемость фактически ограничивается теперь антонимической парой *легальный/нелегальный*. С одной стороны, это, безусловно, является позитивным сдвигом, с другой — расширяет пропасть между тем, как одно и то же явление предстает в официальном дискурсе и неформальной повседневной коммуникации, изобилующей экспрессивно-эмоциональной лексикой.

В 2014 г. ряды иммигрантов стали активно пополняться беженцами из Украины. В связи с началом боевых действий в восточных областях страны (прежде всего Донецкой и Луганской) этот процесс приобрел большой размах. Россия предоставляет им временное убежище и официальный статус, а при желании — российское гражданство по ускоренной схеме. Приезжим обещано облегченное получение разрешения на работу. Безработные беженцы на средства федерального бюджета обеспечиваются набором услуг, в который входит бесплатное проживание и трехразовое питание. Переселенцам целенаправленно ищут место жительства по всей стране, вплоть до Сибири и Дальнего Востока.

В эфире «Первого канала» 22 января 2015 г. со ссылкой на данные Федеральной миграционной службы утверждалось, что на территории нашей страны находится более 800 тысяч граждан соседнего государства, впрочем, по другим оценкам число беженцев давно уже превысило миллион. Наибольшая нагрузка приходится на сопредельные Ростовскую область, Крым и Краснодарский край: люди не хотят уезжать далеко от родственников, покидать привычные места обитания с комфорtnым климатом. Интересы принимающей стороны противоположны: власти настойчиво стремятся перемещать беженцев в малонаселенные субъекты Российской Федерации, которые реализуют на своей территории Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г.).

Конфликт интересов обуславливает недовольство ситуацией со стороны и беженцев, и российских государственных структур, а также граждан России, проживающих в местах наибольшего скопления переселенцев. Беженцы не удовлетворены действиями российских властей, власти жалуются на необоснованные притязания приезжих, коренное население возмущается льготами, предоставляемыми беженцам, и их иждивенчеством. Эти претензии являются почвой для актуализации оппозиции «мы — они» в ее различных (но не обязательно симметричных) проявлениях.

Так, в российском публичном дискурсе преимущественно реализуется вариант «мы — коренное население / они — беженцы» (с соответствующей поляризацией оценок). Примечательно, что когда ситуация освещается с точки зрения беженцев, оппозиция редко приобретает обратный вид «мы — беженцы / они — коренное насе-

ление»; как правило, она выглядит как «мы — беженцы / они — российские власти». Заметим, что упреки в адрес властей в связи с наплывом приезжих звучат также из уст российских граждан, однако это происходит в рамках вышеупомянутой оппозиции «мы — граждане РФ / они — беженцы»; государство, оказывающее помощь переселенцам, в данном случае концептуализируется не как противоборствующая сторона, а скорее как причинная инстанция, вызывающая к жизни само это противопоставление.

Рассматривая стилистические средства воплощения оппозиции «мы — граждане РФ / они — беженцы», нетрудно заметить, что доминирует метафора захвата и оккупации: как и в случае с мигрантами, «понаехавшие» изображаются в виде нахальных гостей, выживающих хозяев из родного дома (кстати, эта идея, как свидетельствуют приведенные ниже материалы, иногда принимает вполне реальные, неметафорические очертания). Ср.: *Собственно идет оккупация России, с явным ободрением со стороны руководства России; Ползучая экспансия... на своих граждан наплевать...; Понаехали, уезжайте обратно, без вас тут тесно; Надо собираться и гнать их отсюда метлой.* Почему мы позволяем на нашей земле командовать каким-то гостям? Валите с нашей земли! Вам здесь не место. А если приехали в гости, то ведите себя, как в гостях; В то же время некоторые россияне, предоставившие свою жилплощадь беженцам, сетуют, что сами как будто оказались у себя в гостях, а кое-кто делится подозрениями, что украинцы хотели отобрать жилище у хозяев.

Интересно также, что эмоционально-оценочная лексика, ранее использовавшаяся для характеристики мигрантов, а в наши дни практически вытесненная нейтральными прилагательными *легальный/нелегальный*, теперь находит применение в обсуждении ситуации с беженцами. Практически повторяя вопрос Ю. М. Лужкова (на заседании столичного правительства 6 июня 2007 г.) о том, зло для Москвы миграция или добро, помошь (на который он сам же и ответил, что «это злая помощь», и далее в обсуждении иначе как «злом» мигрантов не называл), корреспондент популярного издания «Аргументы и факты» озаглавил свою статью (еженедельник «Аргументы и факты», № 38 от 17 сент. 2014 г.) так: Блага или обуза? Кем станут для россиян спасающиеся бегством украинцы. В широком ходу и прочие экспрессивные средства языка, ср.: *Поведение этих беженцев как у зэков на зоне... шавль какая то; это хамство, когда санитарки за действительно скромную зарплату вынуждены обслуживать здоровых людей на полном пансионе; Думаете, с этого всего не тошнит тех, кто о вас заботится, готовит для вас, убирает за вами?; Перерывают пакеты с принесимой гуманитаркой, оставляя после себя гадюшник и морально убивая работников Центра.*

Обратимся теперь к анализу складывающегося буквально на наших глазах стереотипа «беженец». В отличие от стереотипа «трудовой мигрант», он достаточно беден в содержательном отношении. Доминирующим компонентом является

ся идея о завышенных притязаниях со стороны приезжих, их неблагодарности и иждивенчестве. Российский сегмент Интернета пестрит возмущенными сообщениями о том, что беженцы, которых государство обеспечивает бесплатным жильем и питанием, гуманитарной помощью и денежными пособиями, вовсе не стремятся устраиваться на работу. В отличие от коренного населения, их не устраивает размер предлагаемой зарплаты и условия труда: *хотят не уборщиком, а сразу в офис.* Беженцы отказываются от предложений работы с жильем, предпочитая жить в санаториях на всем готовом. Так удобнее, чем устроиться на работу и попытаться обеспечить себя собственными силами. Приезжие рассчитывают на доход от 50 тысяч рублей и комфортное жилье, причем именно в городе, а не в области и не в пригороде; некоторые в открытую выражают недовольство тем, что их привезли в такой бедный регион. Они не целят оказываемой им помощи и одержимы жаждой „халавы“: не хотят работать, а деньги получают, продавая выданную им гуманитарную помощь. Беженцы, которым привозят в качестве гуманитарной помощи одежду и мобильные телефоны, часто заявляют, что „хотят новые вещи, последние модели телефонов“.

Со своей стороны, местные жители недовольны тем, что огромные суммы из бюджета уходят на украинцев, тогда как и у своих граждан хватает проблем. Неработающие беженцы сплошь и рядом оказываются богаче коренного населения. Граждане огорчены тем, что внимание властей обращено в большей степени на вынужденных мигрантов, а не на коренных жителей региона. В социальных сетях люди недоумевают: почему деньги тратят на беженцев, когда у России и своих проблем достаточно?

Авторы многих публикаций (особенно в печатных СМИ), стремясь к взвешенному анализу ситуации с украинскими беженцами, активно используют коммуникативные ходы смягчения и уступки [Дейк 1989а], содержащие обороты типа *некоторые беженцы, отдельные беженцы, есть и такие, кто и т. п.* Воздерживаясь от огульных обвинений, они констатируют появление, наряду с «добросовестными» переселенцами, новой социальной категории — «профессиональных» беженцев с Донбасса, которые предпочитают не работать и жить за чужой счет (подобное явление хорошо знакомо жителям стран Западной Европы, где многие из тех, кто получил убежище, годами сидят на социальной помощи). Именно эта группа людей и служит основой для формирования в массовом сознании обобщенного и схематизированного образа беженца. По сути, мы имеем здесь дело с концептуальной метонимией — проекцией отдельной подкатегории на категорию в целом. Это яркий пример того, что Дж. Лакофф назвал метонимической идеализированной когнитивной моделью, порождающей социальные стереотипы [Lakoff 1987: 77—90].

Другой важный компонент стереотипа «беженец» связан со стремлением некоторых мужчин призывающего возраста из районов боевых действий «пересидеть» войну в сопредельном государстве, вместо того чтобы сражаться на стороне Донец-

кой и Луганской народных республик. В России такое поведение у многих вызывает негодование, ср.: *Наши добровольцы, женщины, молодые ребята едут туда, чтобы твою, сука, землю защитить, а тут приезжает мужик, на котором еще пахать и пахать, а там наши пацаны проливают кровь; Как такие трусы потом интересы России будут защищать? они оттуда убежали как крысы; Здоровые, крепкие парни с Украины — беженцы? Мы отбиваем атаки нацистов от Порошенко, гибнем от их пуль, нас пока мало, но в это же время в кафе и пивных сидят здоровые и дееспособные парни, способные встать рядом с нами на защиту своего города, своей земли, но не хотят. За них должны умирать другие. А когда мы победим, то они тут как тут будут и с пальцами веером станут требовать свое. Сбежали в Россию и там уже качают свои права* (естественно, упреки в трусости и дезертирстве звучат в их адрес и с украинской стороны). Так, экс министр иностранных дел Украины Владимир Огрызко выступил с инициативой признать всех находящихся на территории России беженцев с Донбасса дезертирами и лишить их украинского гражданства).

Неотъемлемой частью стереотипа беженец является позитивная презентация России и ее граждан. При обсуждении ситуации с беженцами обычно подчеркиваются активные усилия российских государственных структур и отдельных людей, направленные на то, чтобы принять переселенцев, накормить их, поделиться с ними необходимым, помочь с жильем и работой. То, что беженцы (в силу тех или иных причин) не всегда оказываются довольны этой помощью, порождает множественные комментарии по поводу их неблагодарности.

Попытаемся теперь подробно сравнить стереотипизированные представления о трудовых мигрантах и беженцах, привлекая материал предыдущего исследования [Скребцова 2007]. Отправной точкой служит стереотип «мигрант», уже вполне сложившийся (что не мешает ему далее развиваться путем усиления и ослабления отдельных составляющих) и содержательно насыщенный. Как указывалось выше, стереотип «беженец» находится еще в процессе формирования и является гораздо более «голым», схематичным. Пустые клетки в таблице ниже означают отсутствие корреляции по соответствующему компоненту.

Таблица. Сравнение стереотипов «трудовой мигрант» и «беженец»

Стереотип «мигрант»	Стереотип «беженец»
выходец из Средней Азии (выделяется своей внешностью и манерой одеваться)	житель юго-восточных областей Украины (не выделяется среди местного населения)
готовность выполнять непрестижную работу и трудиться за низкую плату [NB: компонент ослабляется!], что способствует росту безработицы среди коренного населения	нежелание работать, иждивенчество, паразитизм
участие в этнических криминальных группировках (грабежи, насилие, контрабанда оружия, распространение наркотиков)	

Окончание таблицы

Стереотип «мигрант»	Стереотип «беженец»
рост мусульманского населения, несущий угрозу русской идентичности, а также опасность исламского экстремизма и терроризма	
чуждые менталитет, культура, поведение, создающие межнациональное напряжение	
носитель чужого, непонятного языка; плохое знание русского языка	
отсутствие профессиональной подготовки, нехватка общего образования	
нагрузка на российский бюджет (на государственные системы образования и здравоохранения)	нагрузка на российский бюджет
экономический ущерб для России вследствие оттока денег в другие государства СНГ	
	занышенные притязания, неблагодарное поведение
	трусость, дезертирство
представление России и ее граждан как жертвы	подчеркивание активного участия России и ее граждан в судьбе беженцев

Таблица наглядно показывает, до какой степени данные стереотипы разнятся между собой — и это при том, что оба рисуют образы «чужих», иммигрантов. Их составляющие в большинстве своем вообще не имеют точек соприкосновения. Исключений немного. Прежде всего, это компонент, связанный с нагрузкой на отечественный бюджет. Этот универсальный упрек в адрес иммигрантов объединяет обсуждаемые стереотипы, хотя детали различаются: на содержание каждого беженца государство выделяет конкретные средства, в то время как мигранты получают социальную помощь, только когда обращаются в медучреждения или отправляют детей учиться в школы.

Кроме того, обращает на себя внимание компонент, связанный с готовностью трудиться и зарабатывать деньги. По этому признаку стереотипы прямо противоположны: в то время как мигрант берется за любую работу (тяжелую, непрестижную, низкооплачиваемую), беженец «капризничает», предпочитая получать помощь от российского государства (во избежание недоразумений подчеркиваю, что речь идет не о конкретных людях, а именно о стереотипах!). Коренное население при этом оказывается где-то посередине: с одной стороны, оно не готово так много и тяжело трудиться, как мигранты, а с другой — негодует по поводу необоснованных претензий беженцев и их иждивенчества. Правда, не следует забывать о наметившейся тенденции ослабления этого компонента в стереотипе «мигрант» (см. выше). Возможно, в будущем указанное противопоставление перестанет быть столь ярким.

Наконец, нельзя обойти стороной то, как в дискурсе представлен другой полюс оппозиции «мы — они», т. е. образ «своих», ведь без него просто не было бы противопоставления. Здесь мы обнаруживаем значимые отличия, обусловленные внешними причинами. Мигранты едут в Россию на свой страх и риск, чтобы заработать денег, в то время как беженцы спасаются в ней от

войны. Поэтому при обсуждении проблемы беженцев естественно возникает тема России как активного защитника и спасителя. Для дискурса о мигрантах она совершенно не характерна: Россия здесь неизменно выступает в качестве пассивной жертвы обстоятельств.

Таким образом, мы показали, как в общественном сознании возникают и эволюционируют стереотипы «чужого» (точнее, «чужих»). Интересно будет проследить, каким изменениям они подвергнутся в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
2. Дейк Т. А., ван. Предубеждения в дискурсе. Рассказы об этнических меньшинствах // Язык. Понимание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — М. : Прогресс, 1989. С. 190—227. (а)
3. Дейк Т. А., ван. Расизм и язык. — М. : ИНИОН РАН, 1989. (б)
4. Скребцова Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 23. С. 115—118.
5. Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе массмедиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. — М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 64—89.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры

T. G. Skrebtssova

St. Petersburg, Russia

TRANSFORMATION OF SOCIAL STEREOTYPES IN MODERN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF MIGRANT WORKERS AND REFUGEES)

ABSTRACT. *The paper investigates a particular type of discourse, namely the discourse about immigrants, or "others". Drawing on the Russian mass media and Internet, the author reveals major components of social stereotypes of migrant workers and refugees from Ukraine. Furthermore, she argues that the migrant worker's stereotype has undergone change over the past decade, and so have essential features of discourse on migrants. As for the refugees' stereotype, it has not yet taken full shape, however, one may already identify its principal constituents. The author presents her findings in a table, which helps to bring out manifold differences between the two stereotypes. The most striking is the fact that the majority of components have no counterparts whatsoever, cases of overlapping being quite few. Similarity is actually limited only to the economic aspect, as both migrant workers and refugees are considered a burden on the state's budget. However, given the possible evolution of stereotypes (illustrated by the way the migrant worker's stereotype has changed), one may expect that in due time they may draw closer. Anyway the author hopes to get back to this topic someday to trace further transformations of these social stereotypes.*

KEYWORDS: political discourse, migrant worker, refugee, social stereotype, conceptual metaphor, evaluative terms, opposition "us-them".

ABOUT THE AUTHOR: Skrebtssova Tatiana Georgievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

LITERATURE

1. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskem interdiskurse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Ekaterinburg: Ural. gos. ped. universitet, 2006.
2. Deyk T. A., van. Predubezhdeniya v diskurse. Rasskazy ob etnicheskikh men'shinstvakh // T. A. van Deyk. Yazyk. Ponimanie. Kommunikatsiya. — M. : Progress, 1989. S. 190—227. (a)
3. Deyk T. A., van. Rasizm i yazyk / T. A. van Deyk. — M. : INION RAN, 1989. (b)
4. Skrebtssova T. G. Obraz migranta v sovremennoykh rossiyskikh SMI / T. G. Skrebtssova // Politicheskaya lingvistika. Vyp. 23. — Ekaterinburg, 2007. S. 115-118.

(1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

7. Baker P., Ellice S. Key Terms in Discourse Analysis / P. Baker, S. Ellice. — London ; New York : Continuum International Publishing Group, 2011.
8. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass-Media Discourse and Communication / ed. by Teun A. van Dijk. — Berlin ; New York : de Gruyter, 1985.
9. Henry F., Tator C. Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-language Press. — Toronto : Univ. of Toronto Pr. Inc., 2002.
10. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1987.
11. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 39—74.
12. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff // B. Hallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. — Honolulu : Matsunaga Institute for Peace, 1991. P. 95—111.
13. Landsheer C., de. The language of prosperity and crisis: A case study in political semantics // Politics and Individual. Vol. 4, № 2. P. 63—85.
14. Reeves F. British Racial Discourse: A Study of British Political Discourse about Race and Race-related Matters. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1983.
15. Wetherell M., Potter J. Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation. — London ; New York : Harvester Wheatsheaf, 1992.

5. Troshina N. N. Tema natsional'no-kul'turnoy identichnosti v diskurse massmedia / N. N. Troshina // Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti. Sb. obzorov. — M. : INION RAN, 2000. S. 64—89.

6. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskem zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2001.

7. Baker P., Ellice S. Key Terms in Discourse Analysis / P. Baker, S. Ellice. — London; New York: Continuum International Publishing Group, 2011.

8. Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass-Media Discourse and Communication / Ed. by Teun A. van Dijk. — Berlin; New York: de Gruyter, 1985.

9. Henry F., Tator C. Discourses of Domination: Racial Bias in the Canadian English-language Press / F. Henry, C. Tator. — Toronto, etc.: University of Toronto Press Inc., 2002.
10. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago: University of Chicago Press, 1987.
11. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1, № 1. P. 39-74.
12. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf / G. Lakoff // B. Hallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. — Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991. P. 95-111.
13. Landsheer C., de. The language of prosperity and crisis: A case study in political semantics / C. de Landsheer // Politics and Individual. Vol. 4, № 2. P. 63-85.
14. Reeves F. British Racial Discourse: A Study of British Political Discourse about Race and Race-related Matters / F. Reeves. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
15. Wetherell M., Potter J. Mapping the Language of Racism: Discourse and the Legitimation of Exploitation / M. Wetherell, J. Potter. — London; New York: Harvester Wheatsheaf, 1992.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.